

ЛАРИСА
ЛАЗАРОВА

Мой
БЕЗУМНЫЙ

48

часов

Выбор

18+

Лариса Лазарова

Мой безумный выбор. 48 часов

«Автор»

2026

Лазарова Л.

Мой безумный выбор. 48 часов / Л. Лазарова — «Автор», 2026

Шесть незнакомцев. Одна контора. Договор на 48 часов в сутках. Каждый платит тем, что дороже всего. Кто-то — памятью. Другой — именем или способностью бояться. Каждый получает своё время. Но время — хитрая бестия. Оно не исполняет желания, а искажает их. История о том, как нелепый ботаник с рюкзаком учится говорить правду. Девушка без тормозов понимает, что бегство — не жизнь. Шестеро потерянных людей находят друг друга в мире, который трещит по швам. Иногда самое страшное — не чудовище за дверью, а пустота внутри. Которую нельзя заполнить. Будет страшно. Смешно. Даже нелепо. Ты думаешь, что 48 часов — это подарок? Спроси у тех, кто уже заплатил.

© Лазарова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. СТРАННОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ	5
Глава 2. У ОКНА	10
Глава 3. ПЕРВЫЙ ШАГ	12
Глава 4. ИЛЬЯ	15
Глава 5. В МАНЕЖЕ ВСЕ ТЕ ЖЕ	17
Глава 6. ВЕРА ПАВЛОВНА	21
Глава 7. ЖЕЛАНИЯ С КРИВЫМИ УГЛАМИ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лариса Лазарова

Мой безумный выбор. 48 часов

Глава 1. СТРАННОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

Объявление нашлось в ВК.

Аня листала ленту в три часа ночи. Таращила глаза. Наткнулась на картинку, которая выбивалась из череды котиков, рекламы доставки и сторис бывшей одноклассницы с Мальдив. Серый квадрат. Белый текст. И никаких хештегов.

«Вам нужно больше времени? Отдел временных услуг предлагает увеличить продолжительность суток до 48 часов. Приходите по адресу...»

— Мошенники, — громко фыркнула Аня и поставила лайк.

Если уж мошенничество, то хотя бы красивое. Не «позвоните на номер 8-800», а офис, бумаги, таинственность. Как в кино.

Она заснула, с чистой совестью. А утром проснулась с мыслью: «А что, если это правда?»

В её жизни — в той, которую она называла «скоростной» — никогда не было времени. Она работала в доставке. Развозила пиццу и роллы на чёрной «Хонде» с отваливающимся глушителем. В свободные часы красила волосы в розовый, синий, фиолетовый — и однажды сразу во все цвета радуги. И все потому что бармен в любимом баре сказал, что она скучная. Делала татуировки: ветку сирени на предплечье (для мамы), черепашку на лодыжке (для себя) и надпись «Carpe Diem» на ребрах (для всех, кто спрашивал, почему она живёт так, будто завтра не наступит).

Но завтра наступало. И послезавтра тоже. А Аня всё бежала. От скучной работы, парней, которые через две недели говорили «ты слишком громкая». Самой себя, которая боялась остановиться и понять, что ничего не успела. Опять.

«48 часов, — еще раз подумала она, глядя на серый квадрат в телефоне. — Будет что рассказать внукам. Если они у меня будут. Доживу если, до внуков».

Адрес вёл в деловой район, где обитали страховые компании, микрозаймы и обменники валюты. Аня ожидала увидеть стеклянную башню с охраной на входе и табличкой из золотых букв. Вместо этого она нашла обшарпанное здание с мусорными баками у подъезда и табличкой «Отдел временных услуг», приклеенной к двери на скотч.

— Шик, блеск, красота, — пробормотала она и шагнула внутрь.

Коридор оказался скучным, серым и совершенно не таким, каким она его себе представляла. Во всех её фантазиях офис был скрытым, таинственным, с неоновыми огнями. Возможно, секретной лабораторией, где люди расписываются в договоре и исчезают в подземных ходах. Но на деле — пластиковые стулья, казённые стены и табличка с цифрой «3». Под которой кто-то приписал фломастером «ждите». И ужасная вонь старого табака и туалета.

В углу стоял кулер. Вода в нём была жёлтой. Крупный пузырь воздуха медленно поднимался в мутной воде. Какая же дрянь!

— «Временные услуги», — прочитала Аня вслух. — Звучит как название бухгалтерии, где принимают платежи за ЖКХ. Посмертно.

Она огляделась. В очереди сидели пять человек. Пять. Плюс она — шесть.

«Кто сюда ходит добровольно? — подумала Аня. — Только отчаянные идиоты вроде меня».

Она выбрала стул рядом с мужчиной лет сорока, с бардовым шрамом через бровь и тяжёлым взглядом. Он сидел в углу и смотрел в стену. Не листал бумаги, не проверял телефон, не переписывался с кем-то. Просто смотрел. Как будто стена должна была ответить.

— Занято? — спросила Аня. И пнула ножку стула. Просто так.

Он перевёл взгляд на неё, потом снова на стену.

— Нет, — рыкнул глухо.

— Я Аня. А ты?

— Степан.

— И зачем ты здесь, Степан? Деньги нужны? Время?

Он помолчал.

— Исправить, — нехотя ответил он.

— Что?

— Всё.

И замолчал, набычившись. Аня поняла, что это был максимально возможный диалог. Она отодвинулась на полстула, чтобы не давить своим присутствием. Ну его, дядька-то большой. И дурной. Явно.

Рядом с ней — через один стул — сидел худой парень в очках. Ботаник, вестимо. У него был огромный рюкзак, виднелись контуры ноутбука, а в руках — папка с бумагами. Он не смотрел по сторонам. Только в папку. И когда кто-то проходил мимо, он инстинктивно прижимал её к груди. Боялся, что украдут. А что, сейчас все возможно. А здесь — тем более.

«Ботаник, — хихикнула Анька про себя. — Из тех, кто на Новый год садится писать код, потому что некуда пойти. И не с кем».

— Это здесь увеличивают сутки? — спросила она, наклоняясь к нему. И дыша прямо в ухо. А пусть упадет в обморок.

Парень поднял голову. Его взгляд наткнулся на разноцветные волосы, пирсинг в носу и черепашку на лодыжке (он специально опустил глаза, чтобы не смотреть слишком долго).

— Да, — ответил он. Тихим голосом, как будто сам себе не верил.

— Дорого берут?

— Я... — он замялся. — Здесь написано, что нужно основание.

Аня кивнула на папку.

— И у тебя есть основание?

— Да.

— Какое?

Он поджал губы. Покраснел. Аня заметила, что краснеет он не только лицом. Даже уши залились краской.

— Моя работа, — объяснил он. — Исследования.

— А, — Аня откинулась на спинку стула. — Ты из тех, кто хочет больше времени на работу. Скучно.

— Скучно? — он обиделся. — Моя работа важна. И нужна.

— Уверена, — Аня усмехнулась. — Но ты мог бы просто попросить начальника добавить тебе проектов. Зачем магическая контора?

— Начальник не может добавить часов в сутках, — рассудительно объяснил парень и снова уткнулся в папку.

— А эти — могут?

— Не знаю, — он пожал плечами. — Но я пришёл проверить.

Аня посмотрела на его дрожащие пальцы. Врал. Не ей — себе. Он пришёл не проверить, а найти надежду. На лучшее будущее. Как ребенок, право слово.

«Бедный ботаник, — даже вздохнула Анька и наморщила нос. — Если бы он знал! Ежу понятно, здесь не добавляют время, а продают его. И цена всегда выше, чем думаешь». Это она знала точно. Опыт! И загрустила. Потом опять пнула ножку стула. На этот раз пяткой своих ботинок. На очень толстой трековой подошве.

Мошенники кругом. Мать их.

Остальные сидели молча. Старались не смотреть друг на друга.

Женщина лет пятидесяти в скромном платье и платке перебирала чётки. Четки, Карл! Её губы шевелились. То ли шептала что-то, то ли молилась. Не поймешь. Но когда Аня встрети­лась с ней взглядом, женщина улыбнулась. Доброжелательно, как бабушка в очереди за хле­бушком.

«Тётя-паучиха, — окрестила её Аня про себя. — У таких на подоконнике герань и кот. Они всех знают, весь подъезд. Все сплетни и тайны. Страшные люди. И всегда улыбаются».

Парень постарше Ани, в дорогом костюме сверлил пальцем экран телефона и продолжал орать в трубку:

— Я сказал — ждите! Я не знаю, когда буду. Час? Два? Какая разница! Я плачу вам, за ожидание?!

Часы блестели. Аня знала эту марку — две её месячные зарплаты на один ремешок. «Мажор на нервах», — решила она. Привык, что мир крутится вокруг него. А тут какой-то офис, очередь, пластиковые стулья. Вонючка. Прямо катарсис его жизни.

Женщина под сорок в строгой одежде листала конспекты. Красивая! С точененькой фигуркой. Под глазами — синяки. Но не декоративные, как у Ани, а настоящие. Многодневные, от бессонницы. Ох ты, бедолага. Какая — нибудь интеллигентная беда.

«Гений в кризисе, — решила Аня. — Пишет диссертацию лет десять. Боится, что время уходит. Красивая, умная, но зажёванная. В хорошем ресторане не была сто лет, мужиков нет в принципе. Для нее секс - миф».

«Да одинаковые они все, - подитожила Анька и успокоилась.— Просто у каждого своя маскировка. А мы—сами, с усами».

Дверь кабинета приоткрылась.

Оттуда высунулся сутулый мужичок в слишком длинном пиджаке. Пиджак болтался на нём, как на вешалке. Галстук был завязан криво — узел съехал набок. Лицо — маленькое, острое, с дёрганным правым глазом. На бейджике написано имя, но он так дергался, что и не прочитать.

— Следующий, — пропищал он скучным голосом.

Анька встала. Проходя мимо, заметила, как клерк перебирает бумаги. Даже когда гово­рит. Бумаги шелестели. Сухо, как крылья мёртвых мух.

Парень в очках потянулся было за ней, но Аня остановила его.

— Сиди, ботаник. Я быстрее.

— Но очередь...

— Я громкая. Меня много слышно. Устанешь ждать.

И она гордо шагнула в кабинет.

Внутри все было серое. Серые стены, серый стол, серый человек за столом. Круглолицый, с редкими волосами. Он медленно двигался. Аня успела три раза моргнуть, пока он поднимал голову.

— Основание? — спросил первый клерк. Тот, в пиджаке. Вертелся рядом.

— Я хочу больше времени, чтобы жить, — отрапортовала Аня. — Успевать всё. Скорость, жизнь, драйв. Не хочу, чтобы жизнь проходила мимо. Хочу всего и сразу. Так можно, дяденьки?

Круглолицый начинал на нее смотреть. Так медленно, что Анька почувствовала, как по спине ползёт одинокая мурашка.

— Принимается, — вытолкнул из себя он.

В кабинет скользнул **третий**. Маленький, круглый, слегка лысеющий. Он улыбался. Широко. Аня заметила: между губ мелькнули мелкие острые зубки. Как у крыски.

— Не волнуйтесь, — прошепелявил он мягко, почти ласково. — Всё происходит добровольно.

— А вы кто? — переспросила Аня. И глазками хлоп-хлоп. А че. Пусть думают, что она — того.

— Мы просто оформляем.

Подошёл ближе. Прямо близко. Аня почувствовала запах — мерзкий, тяжёлый. Как от цветов, которые стоят в воде слишком долго.

— Оплата, — подсказал круглолицый.

— Нет оплаты, — нервно ответил первый. — Основание.

— Оплата, — медленно повторил круглолицый.

— Основание! — первый застучал по бумагам.

Аня смотрела, как они спорят, и думала: «От же, что за цирк?».

Потом улыбчивый наклонился к ней. Зубы он чистить не любил.

— Не слушайте их. Просто подпишите.

Он протянул договор. Толстенную пачку мелко напечатанных бумаг. Анька взяла ручку. Пальцы не слушались.

— Почитаю? — спросила она.

— Пункт 14 можете пропустить, — улыбчивый махнул рукой. — Там формальности. Вы всё равно не сможете их запомнить.

Аня посмотрела на пункт 14. Буквы прыгали. Слова менялись местами. Она моргнула — текст стал другим. Моргнула ещё — исчез совсем. Только бледные пятна там, где была типографская краска.

— Что за...

— Подписывайте, — мякнул нервный клерк. — У нас очередь.

Она подписала. Круглолицый протянул руку и взял... что-то. Аня не увидела, что именно. Но почувствовала, как внутри щёлкнуло. Будто кто-то выключил тёплую лампочку.

— Оплата принята, — улыбнулся он во весь зубастый рот. И втянул воздух. Носом. Громко. Как будто нюхал горячий пирожок.

Ане стало дурно.

— Ваши сутки удлинятся завтра, — взвизгнул нервный, поднимаясь. — Счастливого дня.

— Подождите, — Аня шагнула к двери и усомнилась. — А что я отдала?

Все трое посмотрели на неё. Потом, одновременно, показали пальцами вверх. Не на потолок. Выше.

— Там знают, — уважительно отозвался нервный.

— Мы просто на работе, — добавил медленный.

— Нам велено оформлять, — хихикнул третий.

Аньке стало холодно. Они выглядели испуганными. И притихли. Чего тут у них? Мутная контора.

Она не уверенно вышла из кабинета, держа в руках копию договора. Через минуту текст на бумаге начал бледнеть, превращаясь в список покупок из «Пятёрочки». Хлеб, молоко, яйца. Еще какая-то хрень.

— Во, жучары, — гоготнула вслух Аня. Но внутри пустота не проходила. И холод.

Парень в очках поднял голову.

— Как там, всё? — заикаясь спросил он. Остальные тоже тянули шеи, интересовались.

— Возьми на полке пирожок, — рявкнула Аня. — Я не голодна.

Она вышла на улицу. Был обычный день. Люди. Разные. Яркое солнце. Жизнь, в которой никогда не было времени.

— Ну и дура, — сказала она себе. И такая, поверила. Ржака!

Сутки прошли как обычно. Аня развозила заказы, ругалась с диспетчером, красила волосы в лиловый и слушала подкаст о том, как выгорают миллениалы. Легла спать в час ночи, думая, что зря потратила время на эту контору. И черт с ними!

Но когда она проснулась, часы показывали 8:00, а за окном было темно.

Аня протёрла глаза. Посмотрела на телефон. 8:00. Утра? Вечера? За окном было одинаково темно.

Она подождала час. Два. Четыре.

Солнце не взошло.

Через 24 часа — всё ещё ночь.

Аня стояла у окна, смотрела на чёрное небо. Чувствовала, как внутри поднимается холодная, липкая волна страха. Она засекала время. Ещё через 24 часа — всё ещё была ночь. Сутки стали длиной в 48 часов. И тогда Аня впервые подумала всерьез: «А чего же я отдала-то, а?»

Глава 2. У ОКНА

Ночь не заканчивалась. Вот это было самым мерзким. Не магическая контора и не клерки с рожами потасканных бухгалтеров. Не мутный договор, который превратился в список покупок, а именно ночь. Она висела за окном, как грязная тряпка. Часы шли. Телефон исправно показывал время. Какие-то люди внизу ходили, машины ездили, где-то орал пьяный мужик и лаяла собака. Мир делал вид, что всё нормально. Только небо не менялось. Вообще.

Аня стояла у окна в растянутой футболке и трусах с черепами. Курила уже вторую сигарету подряд и смотрела вниз на улицу. Под глазами залегли серые тени, волосы торчали в разные стороны. Точно дохлая мишура после Нового года. Вчера ещё были задорные лиловые прядки. Она тихо пробормотала:

— Ну и хрень.

Голос прозвучал непривычно тихо. Обычно Аня разговаривала так, будто всё вокруг личный стендап-клуб. Ее. Даже сама с собой. Особенно сама с собой. Но сейчас шутки не разгонялись. Они падали. Как мокрые спички.

Внизу, возле круглосуточного магазина, стоял курьер с жёлтым коробом за спиной. Совсем молодой, худой, он переминался с ноги на ногу и смотрел в телефон. Так, будто там могли сообщить, когда наступит утро. «Цыплёнок жареный!», — автоматически подумала Аня.

И тут же вспомнила: ливень. Холодный, июльский, когда вода течёт по спине прямо в трусы. Она неслась по мокрой трассе на своей «Хонде», материлась в шлем и ржала как ненормальная. Колёса скользили, глушитель дребезжал. На светофоре какой-то идиот на джипе крикнул: «Ты убьёшься когда-нибудь!» Аня тогда показала ему средний палец и добавила газа. Если страшно — надо быстрее. Она всегда так делала. Быстрее ехать, говорить, смеяться. Жить. И главное — не останавливаться. Стоит остановиться, и сразу станет слышно. Себя.

Она затушила сигарету о подоконник. Руки слегка подрагивали.

— Да не. Не может такого быть, — сказала она в стекло. — Это просто фигня. Масоны. Рептилоиды. Магнитные бури. Пенсионный фонд колдует.

За окном было опять черно. Не ночной город. Просто черно. Кто-то выключил небо.

Она резко отвернулась и поймала своё отражение в зеркале шкафа. Разноцветные волосы, пирсинг, смазанная тушь, татуировки. Видок как у панк-группы, которую выгнали даже из подземного перехода.

— Красотка, — фыркнула Аня.

И снова вспышка: ванная, дешёвая съёмная квартира, ей девятнадцать, в раковине розовая краска для волос, запах аммиака и дешёвого энергетика. Тогда она впервые покрасилась после слов отца: «Ты как мать становишься. Такая же. Пустая-звонкая». Она потом полночи сидела на полу и смотрела в стену. А утром взяла краску, ножницы, машинку. Для скорости. Если внутри всё разваливается — надо хотя бы снаружи устроить фейерверк. Мать тогда плакала. Отец орал. А ей было плевать. Ну... она очень старалась, чтобы было плевать. Да ну их всех!

Она открыла холодильник. Там лежали половина лимона, кетчуп, банка пива, соус и сыр. Который уже выглядел как разумное существо.

— Шикарно живём, — хихикнула Анька и почесалась. Громко. Еще холодильник гудел. А в квартире стояла тишина. Странная. Не ночная. Ночью всегда есть звук. А сейчас город будто прислушивался. Замер.

03:17. Потом 03:22. Время шло. Небо — не менялось. Аня вдруг поняла, что боится смотреть в окно. И это её взбесило.

— Да пошло оно всё, — рывкнула она и натянула куртку.

Через десять минут уже шла по улице. Воздух холодный, не по погоде. Люди двигались быстрее обычного, все косились вверх. На остановке женщина крестилась. Возле аптеки мужик снимал небо на телефон. Машины сигналили чаще обычного. Город нервничал. И Анька вместе с ним.

Она сунула руки в карманы и пошла быстрее. Мимо пролетел мотоциклист в красном шлеме. И снова вспышка: асфальт, тормоза, крик. Она тогда влетела в бок старой «Тойоте». Ничего страшного, но лежала на дороге и смеялась. Потому что вокруг собрались люди. Кровь текла по ноге. Сердце колотилось, как чокнутое. Зато она чувствовала себя живой. Потом парень, с которым она тусила, разорался:

«Ты нормальная вообще?»

Анька помнила, как посмотрела на него и подумала: «Не-а».

Они расстались через месяц. Он всё повторял: «С тобой жить невозможно. Ты как Цунама». Она тогда хохотала. А ночью сидела в ванной и слушала, как шумит кровь в голове. И сердце стучит. Слишком громко.

Остановилась возле круглосуточной кофейни. Закрыто. Хотя свет внутри горел. За стеклом стояла девушка-бариста и смотрела в одну точку. Вот же ж, манекен. Анька почувствовала липкий холод под рёбрами. Мир был неправильным. Не страшным. Пока, но неправильным. Как будто его чуть сдвинули.

Лифте ехал медленно и подрагивал. На восьмом этаже двери открылись не сразу. Сначала щель. Потом скрип. Темнота подъезда. И вдруг — детство. Ей десять. Она под столом. Родители орут. Мать плачет. Отец швыряет кружку в стену. Анька считает секунды между криками. Тогда она впервые поняла: тишина страшнее шума. Когда кричат — все ещё живо. Когда замолкают — всё. Трындец.

Она вернулась к окну. Ночь всё ещё была там. Огромная. Неподвижная. Анька обняла себя за плечи. Телефон завибрировал. Сообщения сыпались: «Ты видела небо???»», «Это что вообще?», «Конец света?» Она не ответила. Внезапно подумала об оплате. «Что же я, говна кусок, им отдала?»

Внутри снова щёлкнуло. Тихо. Как выключатель. И она совершенно ясно поняла: у неё был самый счастливый день. Он точно был. Когда-то. Она даже почувствовала тепло, солнце, чей-то смех, запах нагретой кожи, музыку, ветер. Но самого воспоминания не было. Только ощущение. Как вырванная фотография. Она пыталась вспомнить. Но чем сильнее пыталась, тем больше рос холод. Кто-то уже порывлся у неё в голове и унёс. Самое важное.

Анька медленно села на пол у окна. Сигарета выпала из пальцев.

— Вот вы твари, мелкие... — прошептала она. — Нет-нет-нет...

Она начала лихорадочно перебирать воспоминания: детство, школа, драки, поцелуи, работа, татуировки, ночи, трассы. Но ТОТ день не находился. И от этого становилось страшно. Сильно, по-настоящему. Память — это всё, что у неё есть. Не деньги, семья, любовь(фу), планы на будущее. Так его. То, что доказывает, что она жила. И если это можно забрать...

Вот это сильная штука!

Мир теперь в ее голове был жутким. Но не от того, что в нем скакали три придурковатых монстра. А от того, что самые лучшие воспоминания, а их было не так уж и много, стали похожи на госучреждение. С запахом старых тряпок. И горечью потерянного счастья.

Глава 3. ПЕРВЫЙ ШАГ

Аня проснулась от того, что за окном было темно.

Она села на кровати, хлопая глазами, и уставилась на часы. 14:32. Она точно помнила, как легла вчера в час ночи. Спала больше тринадцати часов? Это было похоже на похмелье без алкоголя. Тяжесть в теле, мутная голова и странное чувство. Будто она проспала не тринадцать часов, а целую вечность.

Потянулась, хрустнув позвоночником, и посмотрела в окно.

Серый свет. Не утренний, не вечерний. Как будто солнце застряло где-то на полпути и не знало, куда двигаться дальше.

— Чёрт, — рявкнула Анька вслух.

Она ждала, что будет странно. Но не так же. Вчера она подписала этот дурацкий договор, отдала что-то непонятное и вышла на улицу. Вчера всё казалось почти смешным. Серый офис. Клерки с лицами уставших бухгалтеров. Бумаги. Договор. Пункт четырнадцать, который расплзлся перед глазами, как живой. Она тогда ещё думала: «Ну и дешёвый развод». Секта. Пранк. Мошенники с фантазией.

Ну, наверное, это просто спецэффекты, да? В конце концов, она же не в фильме ужасов.

Но сейчас часы показывали половину третьего, за окном была темнота. Аня чувствовала, что внутри что-то изменилось.

Пустота на месте тёплого воспоминания. Она появилась, когда круглолицый клерк по имени Павел втянул воздух, как будто нюхал еду. И никуда не делась.

Аня потрогала грудь. Сердце билось. Всё на месте. Вроде бы. Но чего-то не хватало. Как будто из её внутреннего радио вырезали самую любимую песню и оставили только белый шум.

— Ладно, — сказала она себе. — Разберёмся.

Квартира казалась чужой. Но это была ее квартира! Она готова была поклясться! Вон отбитый угол, таран с помощью роликов. Вон огромная клякса на потолке – утренний слишком горячий кофе и сосед-придурак, вздумавший начать сверлить стены не свет, не заря. Да, она была дома. Но дом был... странный. Выцветший. Без ярких цветов и запахов. Даже туалет не вонял. Совсем.

Аня вышла в коридор и остановилась. Двери, много дверей. Много спален? Потёртый линолеум, запах дешёвого освежителя воздуха — что-то вроде «морской бриз». Только море здесь было похоже на сточную канаву. Она не помнила, как здесь оказалась. Вернее, помнила обрывками. После конторы она поехала работать, потом домой, собрала вещи. Зачем? Потом чьё-то лицо, ключи, дверь.

На каждой двери спальни маркером, криво, было написано имя. Степан, Илья, Елена, Вера, Денис. А вот и ее дверь. Анна. И здесь она умудрилась не быть похожей на других. Буквы ее имени были написаны пальцем, обмакнутым в какую-то мерзкую, ржавую краску. Гадость какая. Она знала откуда-то эти имена. И даже помнила, людей, носивших их. Что-то всех связывало. Что-то нездоровое.

«Стресс, — Анька тряхнула головой. — У меня просто стресс. У всех так бывает. Вот у подруги в прошлом году был стресс. Она даже забыла, как зовут её парня. Три дня называла его «эй, ты». Потом вспомнила. И я вспомню».

Она прошла в кухню, которая почти не изменилась, и замерла.

Там кто-то был.

Тот самый парень из очереди. Ботаник в очках. Он сидел за столом с кружкой кофе и смотрел в стену. Рюкзак стоял рядом, расстёгнутый. Будто он только что вошёл или собирался уходить, но застрял в какой-то точке нерешительности.

— Ты? — спросила Анька, опираясь плечом о дверной косяк.

Он поднял голову. Без удивления. Словно уже ждал её.

— Я тоже не знаю, как здесь оказался, — устало сказал он. — Проснулся уже тут.

— О. Милота. Значит, у нас коллективный психоз.

Она подошла и плюхнулась на стул, напротив. Ботинки натянула прямо на босые ноги — носки искать было лень. Да и мир, честно говоря, уже слегка потерял право на порядок.

Парень сделал глоток кофе и поморщился.

— Холодный.

— Так подогрей.

— Плита не работает.

— Микроволновка?

— Тоже.

Аня уставилась на него.

— Слушай, у нас тут ночь длиной в двое суток, мутная контора, провалы в памяти, а тебя убивает холодный кофе?

— Это симптом, — серьёзно ответил он.

— Господи...

— Если не работает электричество, значит, квартира не обычная. Если квартира не обычная, значит, вчерашняя контора была настоящей.

— Bravo, Шерлок, — фыркнула Аня. — Осталось только собаку Баскервилей завести.

Он пожал плечами.

— Я программист.

— Это диагноз?

— Скорее проклятие.

Она хмыкнула. И только сейчас заметила, что он старается не смотреть ей прямо в глаза. Стеснялся самого факта своего существования.

Станный. Но не мерзкий. Это уже редкость.

— Как тебя зовут-то, ботан? — спросила она.

— Илья. Мы знакомы. Так-то.

— Я Аня. Но это ты уже знаешь.

— Да.

Повисла пауза. Неуютная. Холодильник гудел так громко, что казалось внутри умирал маленький трактор.

Анька поёрзала на стуле.

— Ты ведь тоже подписал договор?

— Да.

— И что отдал?

Илья ответил не сразу. Снял очки. Потёр глаза. Без них он выглядел младше. И почему-то совсем беззащитным.

— Я больше не могу врать, — тихо ответил он.

Аня моргнула.

— Чего?

— Вообще. Никак.

Она прыснула.

— Да ладно. Серьёзно?

— Я пытался соврать утром. Не получилось. Слова просто... не выходят. Кто-то поставил фильтр между головой и языком.

Аня наклонилась ближе.

— И теперь ты всегда говоришь правду?

— Да.

— Любую?

— Да.

— Даже если она тупая?

— Особенно, если тупая.

Она фыркнула.

— Ой, всё. Мне уже нравится.

— У тебя тушь размазалась.

Аня мгновенно схватилась за лицо.

— Где?!

— Под левым глазом.

— Вот зараза...

— И волосы у тебя выглядят так, будто красилась в ванной в три часа ночи под русский рок и энергетики.

Она уставилась на него.

— Ты специально нарываешься?

— Нет, — честно ответил Илья. — Я просто не могу остановиться.

И выглядел при этом таким несчастным, что Ане вдруг стало смешно и жалко его одновременно.

Опасное сочетание.

— Бедолага, — протянула она. — Да тебя же люди убьют.

— Уже пытаются.

— В смысле?

Илья вздохнул.

— Я сказал Вере Павловне, что она похожа на учительницу, которую все боялись в школе.

— Смело.

— А Денису сказал, что его часы выглядят как подделка.

Аня прыснула.

— И?

— Он предложил мне выйти поговорить.

Она всё-таки расхохоталась. Нормально. В голос. Первый раз за всё это время.

Илья посмотрел на неё осторожно. Не ожидал, что она вообще умеет смеяться. Не как психопатка на американских горках. А Анька вдруг поймала себя на странной мысли.

Этот нелепый ботаник был первым человеком за последние сутки, рядом с которым ей не хотелось строить из себя кого-то другого. Не нужно было ржать громче всех. Флиртовать. Остричь.

Делать вид, что ей вообще плевать. Пустота внутри всё ещё была на месте.

Но впервые перестала звенеть.

Глава 4. ИЛЬЯ

Он проснулся от тишины. Не от утренней, когда холодильник ещё не включился, а соседи не начали топтать. От абсолютной, ватной тишины, которая давила на барабанные перепонки, как вода в глубине. За окном — та же серая муть. Ни солнца, ни луны. Просто зависшее в воздухе свинцовое марево. Илья сел на кровати. Спина хрустнула, как сухая ветка. Б-р-р-р. Поправил очки, сползшие на кончик носа. Линзы были в мелких царапинах. Он собирался заменить их три месяца назад. Не хватило времени. Или денег. Или того и другого.

В комнате пахло пылью, чем-то старым и застоявшимся. Будто открыли шкаф, который не трогали с девяностых. Рюкзак лежал у двери. Расстёгнутый. Из него торчал угол ноутбука, пачка распечаток и мятый чек из автомата с кофе. Он помнил, как шёл в контору. Дрожал. Не от холода. От того, что переступал черту, которую сам же себе очертил десять лет назад. Ради работы. Так он себе говорил. Всегда так.

В очереди сидел, вцепившись в папку. Точно внутри лежали коды от ядерных ракет. А там — черновики статьи. Математическая модель, которая могла оптимизировать логистику. Или хотя бы получить Грант. Он повторял это как мантру. Больше времени. Вот чего он хотел. Сутки слишком короткие. Код не компилируется за восемь часов. Данные требуют проверки. Коллеги отвлекают. Начальник требует отчётов. Люди требуют общения. «Как выходные?», «Сходишь на кофе?», «Ты почему никогда не отвечаешь в чате?». Вопросы, как маленькие крючки, цепляющие за кожу. Он научился отводить взгляд. Кивать. Бормотать: «Занят». «Потом». «Сложно». Ложь стала его бронёй. Тонкой, но надёжной. Она позволяла ему не чувствовать, как чужие ожидания врезаются в рёбра. Он прятался за строками кода. Там всё логично. Там есть ошибка, отладка, результат. В жизни ошибки не исправляются. Их просто переносят в следующий день.

Уже в конторе он почти развернулся. Табличка на скотче, вонь табака, клерки с лицами уставших кассиров. Но потом он вспомнил объявление. Серый квадрат. Белый текст. «Вам нужно больше времени?». Он кликнул. Потому что время было единственной валютой, которую он не умел копить. Оно утекало сквозь пальцы, пока он отлаживал строчки, проверял гипотезы. Ждал, когда наступит момент, когда он будет «готов». Готов к чему? К жизни? Людям? Чтобы перестать прятаться за экраном? Он не знал. Но подпись под договором поставил. Быстро. Чтобы не передумать.

Клерк забрал у него не деньги. Он просто посмотрел. Пристально. Как рентген. Илья почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло. Будто выдернули предохранитель. Сначала ничего. Потом он вышел на улицу. Воздух был холодным. Позвонил маме. Хотел сказать, что всё хорошо. Работает, питается, спит. Открыл рот. Сказал: «Мне страшно. Я одинокий. Не умею с людьми». Голос дрогнул. Бросил трубку. Руки тряслись. Это началось сразу. Фильтр исчез. Провод между мыслью и речью стал прямым, без изоляции. Никаких «ладно», «нормально», «как-нибудь». Только голая, режущая правда. Он попробовал промолчать. Но слова текли сами, как кровь из раны. Он пытался сжать зубы. Горло спазмировалось, требовало выпустить. Иначе оно разрывалось изнутри.

Теперь он сидел в чужой кухне. Холодный кофе. Плита не работала. Электричество вроде было, но техника игнорировала законы физики. Как и он сам. Смотрел на Аню. Она смеялась. Громко, нервно, как сирена. Её волосы торчали в разные стороны, тушь размазалась, ботинки

на босу ногу. Она была живой. Строила из себя громкую, бесшабашную. Кому всё по барабану. Он видел трещины. Как её пальцы сжимают край стола до белых костяшек. Видел, как она косится на дверь. Ждёт, что кто-то войдёт и заберёт этот странный покой. Он хотел сказать ей что-то мягкое. То, что обычно говорят в таких ситуациях. «Всё наладится». «Мы разберёмся». «Не переживай». Но язык уже не позволял.

— У тебя внутри дыра, — сказал он вдруг. — Ты заполняешь её шумом. Чтобы не слышать, как она свистит на ветру. И дышит. За тебя.

Аня замерла. Смех оборвался. Она смотрела на него. Не обиделась и не ушла. Просто изучала. Будто он был сложным уравнением, которое вдруг сошлось.

— Ботан, — выдохнула она. — Дурашка. Напугал! И сам испугался.

В голосе не было злости, лишь усталое признание.

Он кивнул. Не мог соврать. Не хотел.

Он боялся. Людей. Не их самих. А того, что они требовали. Внимания. Ответов. Присутствия. Он выбрал код, потому что машины не спрашивали. Не обижались, когда ты не отвечаешь на звонки. Не уходили, когда ты слишком занят. В этой квартире с выцветшими стенами и дверями, подписанными маркером, не спрятаться. Время растянулось. Сорок восемь часов. Он получил то, за чем пришёл. Тишину. Возможность сидеть над черновиками, проверять строки, углубляться в расчёты. И не оглядываться на часы. Но цена оказалась другой.

Правда не давала покоя. Она требовала действия. Он видел, как Вера Павловна судорожно перебирала чётки. Степан остановившимся взглядом буравил стену. А Денис сжимал телефон, будто тот мог вернуть утраченный контроль. Он хотел промолчать. Не мог. Слова вырывались, резали, обнажали. И каждый раз после этого в комнате становилось тише. Не от страха. От признания. Ужасающей правоты. До зубовного скрежета.

Он посмотрел на свои руки. Тонкие, с длинными пальцами, испещрённые шрамами от порезов бумагой и ожогами от паяльника. Они умели собирать. Разбирать. Создавать логические цепочки. Но не умели гладить чужие руки. Не умели говорить «я здесь», не прячась за монитором. Одним прикосновением.

Аня вдруг потянулась к кружке. Пальцы коснулись его руки. На секунду. Просто чтобы сдвинуть. Но кожа была тёплой. Он не отдёргнулся. Не смог придумать причину, чтобы удержать этот миг. Да и не было её.

— Спасибо, — кивнула она.

За что — не уточнила. Может, за честность. Или за то, что он не стал ещё одним человеком, который говорит «всё будет хорошо». А в комнате пахнет ржавой краской и зависшим временем.

Он кивнул. Опять. Для нее. Если она заметила.

За окном всё так же висела серая муть. Часы показывали 16:45. Сутки всё ещё шли. Дополнительные двадцать четыре часа до конца. Или только до начала. Он не знал. Но впервые за десять лет не пытался угадать. Сидел. Слушал, как гудит холодильник. Как дышит Аня. И тесно бьётся его собственное сердце.

Тяжелая правда не давила. Она держала. На нее можно было положиться.

Глава 5. В МАНЕЖЕ ВСЕ ТЕ ЖЕ

Они сидели на кухне уже минут двадцать, когда появились остальные.

Степан вошёл первым. Тяжело. Не шагая, а перенося вес. Подошёл к раковине, налил стакан воды, выпил залпом. Даже не посмотрел в их сторону. Поставил стакан. Аня заметила, как дрожат его пальцы. Мелкая, нервная дрожь. У человека, который привык, что руки нужны для другого. Не для тонкого стекла. Для веса и выживания.

— Доброе утро, — бросила Анька. Голос вышел слишком звонким. Как монета, упавшая в пустую банку.

Он не ответил. Только повернулся. В глазах залегла усталость, которую не спрячешь ни за деньгами, ни за лишними сутками.

— Живой, — ответил глухо. — Это уже много.

— Для кого много? — не унималась она.

— Для того, кто мог не проснуться.

И вышел. Дверь за ним не хлопнула. Просто закрылась, точно комнату отсекали от чего-то важного.

— Жуткий тип, — выдохнула Аня.

— Он из силовых структур, — тихо подсказал Илья. — Нашивка на куртке. Сам видел.

— Откуда ты разбираешься в нашивках?

— Я много чего видел. Раньше молчал.

— А теперь?

— Теперь не могу.

Анька чуть не проглотила взглядом дверь. Интересно, что он отдал тем, в пиджаках? Не память. Не слова. Что-то, отчего руки трясутся, а внутри всё ещё слышатся разрывы, которых давно нет.

Вера Павловна появилась из коридора бесшумно. Аня не услышала ни шагов, ни скрипа. В какой-то момент женщина в платке уже сидела на стуле и перебирала чётки. Плавно. Ритмично. Будто отсчитывала не строки молитв, а чей-то пульс.

— Вы не спали? — спросил Илья.

— А кто сейчас спит? — ответила она мягко. — Время сломалось. Спать по расписанию — роскошь.

— Вы что-то знаете? — заинтересовалась Анька.

Вера Павловна посмотрела на неё. Взгляд цепкий, тяжёлый. Аньке показалось, что её сканируют. Как товар на ленте. О, спасибо. Плюс еще одна фобия.

— Я знаю, что мы здесь не случайно, — произнесла Вера. — Вас пятеро. Я — шестая. Но я не с вами.

— А с кем?

— Сама по себе. Как и всегда.

«Тётя-паучиха, — отметила Аня. — У неё паутина на лице. Только мы не мухи. Мы ещё не знаем, кто мы».

— Жуткая тётка, — шепнула Аня, наклоняясь к Илье. И опять тепло дохнула на него.

— Она слышит, — шепнул он в ответ. Его заметно начинало колотить. Что за девчонка такая.

— Конечно, слышу, — подтвердила Вера Павловна, не поднимая глаз от чёток. — У меня слух хороший. И память. Пока — хорошая.

— А что будет потом?

Вера Павловна промолчала. Пальцы замерли на деревянных шариках. В комнате повисла тишина. Плотная. Как вода.

Денис ворвался последним. Дорогой махровый халат, вышитая монограмма на кармане, телефон прижат к уху. Лицо — смесь паники и бешенства.

— Я сказал — ждите! Я не знаю, где я! Просто ждите!

Сбросил вызов. Обвёл взглядом кухню. Будто они забыли, как работает сервис.

— Кто-нибудь объяснит, что происходит?

— Вы подписали контракт, — спокойно ответила Вера Павловна. — Как все. Теперь мы здесь.

— Где «здесь»?

Денис махнул рукой, задев пустую кружку. Та не упала. Осталась стоять. Гравитация тоже решила отдохнуть.

— Вот это! — он ткнул пальцем в потолок. — Что это?

— Наш новый мир, — усмехнулся Илья. И тут же поморщился, слово обожгло язык.

— Наш? Я не подписывался на новый мир! Я подписался на 48 часов! Чтобы доделать отчёт! Проверить поставки! Чтобы...

Он замолчал. Сел. Схватил Анину кружку, сделал глоток. Поморщился.

— Кофе холодный.

— Микроволновка не работает, — напомнил Илья.

— К чёрту микроволновку, — Денис отставил кружку. — У меня нет сети. Нет вай-фая. Айфон превратился в кирпич, который показывает время. Но я не понимаю, какое. Утра? Вечера? Какая разница?

Аня подошла к окну. За стеклом было пусто. Ни машин, ни людей, ни фонарей. Только серое небо, сливающееся с серой землёй. Кто-то стёр горизонт.

— Сутки теперь делятся 48 часов, — кротко объяснила она. — Мы же этого хотели.

— Я этого не хотел, — выдохнул Денис.

— Ты подписал.

— Я подписал, потому что мне нужны были часы! А не эта... серость!

Илья посмотрел на него. В глазах не было осуждения. Только точность, как у линейки.

— Ты отдал страх, да?

Денис замер.

— Откуда...

— Я не могу врать, — признался Илья. — Но вижу. Ты не боишься. Должен бояться. Мы все должны. А ты злишься. Злость осталась. Страх — вырезали.

Денис побелел. Губы дрогнули. Он попытался что-то ответить, но слова застряли. Аня поняла, что ему нечем ответить. Внутри выключили пожарную сигнализацию. Дом мог гореть, а он бы сидел и смотрел, как пламя лижет обои. Без паники. С глухой злостью на то, что мир перестал подчиняться.

«Бедный богатый мальчик, — подумала Аня. — Он думал, что страх — это слабость. А оказалось, это единственное, что держало его на ногах».

Снова подошла к окну.

Внизу, на пустой улице, стояла фигура. Маленькая. Сутулая. Слишком длинный пиджак болтался, как на вешалке. Кривой галстук. Нервный клерк. На бейдже — Клим. Крупными буквами. Он стоял под фонарём и смотрел вверх. Прямо на неё.

Анька отшатнулась. Штора дёрнулась, свалилась.

— Что там? — спросил Илья.

— Ничего, — пролепетала она. Голос подвел.

Клим поднял руку. Не помахал. Просто показал пальцем вверх. Не на небо. Чуть выше. Туда, где, наверное, было начальство. Вот только чьё?

Аня поёжилась. Холод по спине. Ледяной полосой.

— Они следят, — оповестила всех она. Громче, чем хотела.

— Кто? — не понял Денис.

— Те, кто забрал время.

Отошла от окна. Но ощущение взгляда осталось. Точно кожу обожгли чем-то невидимым и едким.

— Нам нужно выбираться! — Аньке резко надоел весь этот цирк. Желание бежать, ломать, прятаться поднималось из живота. Горячее и колючее. — Реально пора сматываться. От этих контор, клерков, да всего. Мне на работу надо!

— Куда? — спросила Вера Павловна.

— Не важно! Но сидеть в этой квартире и ждать, когда они придут — не вариант.

— Они уже пришли, — одними губами прошелестел Илья. — Мы у них внутри. Весь этот мир — их манеж.

Аня посмотрела на него.

— Ты поэтому не дрожишь? Потому что знаешь, что бояться поздно?

— Я боюсь, — ответил он. — Я просто не умею это показывать.

— А я умею, — Анька усмехнулась. — Я сейчас вся — один большой комок страха. Только вместо крика у меня сарказм. И меня заело. Кажется.

— Заметно.

— Комплимент?

— Хуже. Правда.

Она смотрела на его нелепые очки. На рюкзак, который он так и не снял. «Странный. Неудобный. Неловкий. Но почему-то с ним не так душно». И с ним действительно было легче дышать.

— Илья, — хмыкнула она.

— Что?

— Если мы отсюда выберемся, я куплю тебе нормальный кофе. Горячий.

Он улыбнулся. Первый раз. Коротко. Неуверенно. Но по-настоящему.

— Врать при мне нехорошо, странная девочка, — напомнил он.

— Я и не вру, — фыркнула Анька. — Я обещаю.

Снаружи всё так же висела серая муть. Часы показывали 16:47. Никто не знал, утро это или вечер. Но Аня вдруг поняла, что это ерунда все. Важно, кто рядом. А рядом был ботаник в очках, который не умел врать и пил холодный кофе.

— Ладно, команда, — сказала Аня, хлопнув ладонями по столу. Пыль взвилась в воздух, как мелкие снежинки. — Варианты? Ну должен же быть среди нас кто-то опытный и умный одновременно! Всего один!

Глава 6. ВЕРА ПАВЛОВНА

Чётки щёлкали. Деревянные шарики, потёртые до жирного блеска. Вера Павловна не считала молитвы. Считала упущенные шаги. Сорок семь. Или сорок восемь. Время сбилось. Вибрация телефона на колене отозвалась сухой, механической дрожью. Экран засветился: «Госуслуги. Напоминание: запись к неврологу для К.П. Ивановой. Подтвердите». Она нажала «Да». Потом стёрла пальцем строку «Ответственный: В.П. Смирнова». Система приняла. Имя исчезло из базы. Не сразу. Медленно, как ржавчина на водопроводной трубе. Сначала в приложении поликлиники. Потом в банковском чате. Теперь даже в её собственных контактах. Она была «Мама Оли», «Сиделка», «В.П.», «Пользователь_7741». Функция. Тень. Доставка лекарств.

Они шумели. Анька разлила воду из кулера, смеялась над чем-то своим. Громко, без оглядки, плеснула на линолеум и не стала вытирать. Илья теребил дужку очков, бормотал что-то про синхронизацию. Что холодный кофе — это симптом не техники, а поля. Денис тыкал в чёрный экран айфона, как в ритуальный объект. Требующий кровной жертвы. Молодые. Глупые. Вера смотрела и чувствовала, как внутри поднимается тихая, липкая зависть. Не к деньгам. К лёгкости. К праву ошибаться и не нести этот груз. К тому, что их ещё помнят. Их голоса не тонут в шуме быта. Они могут кричать, плакать, бить посуду — и мир не отвернётся. А её мир давно научился отворачиваться. Вежливо. Без звука. Наглухо.

Она поправила платок. Ткань была дешёвой, синтетической, но пахла лавандой. Запах из аптеки. Запах «хорошей дочери». Все верили. Врачи кивали. Соцработники ставили галочки. Соседи шептали: «Вера Павловна — ангел, не женщина». Ангелы не кричат. Не требуют. И не живут. Они существуют. Она выстроила эту клетку сама. Тридцать лет назад. Когда выбрала «правильно» вместо «честно». Когда оставила того, кто умолял не уходить. Мать заболела, а она сделала из ухода экспонат. Доказательство. «Я хорошая». Но музеи не греют. В них холодно. И пыль. Мертвенная.

Контора пахла тряпкой и старыми бланками. Клерк не спросил: «Зачем». Спросил «что отдаёте». Она сказала: «Лишнее». Он кивнул. Взял. Не деньги или годы. Имя. Сначала мелочи. Кассирша в «Пятёрочке» сказала: «Вам, гражданочка, скидку». Не по имени. Потом — врач: «Иванова, пройдите». Фамилия осталась. Имя стёрлось. Как карандаш, который слишком часто терли ластиком. Теперь даже мать иногда смотрела на неё долгим, мутным взглядом и спрашивала: «А ты кто, милая?». Вера улыбалась. Гладит сухую ладонь. «Это я, мам». И старушка кивала. Верила. Хотя и сомневалась.

Она открыла мессенджер. Чат «Семья». Последнее сообщение: «Вера, привези воду». Без фамилии и отчества. Просто «Вера». Она всегда была приложением. Утилитой. Фоном. Нажала на аватарку. Свое фото. Паспортное. Уголки подвёрнуты. В строке «Имя» буквы плясали. То появлялись, то расплывались. Алгоритмы забывали. Умная колонка в коридоре вчера спросила: «Вы кто? Повторите команду». Она сказала своё имя. Колонка молчала. Потом: «Не распознано. Попробуйте снова». Она попробовала. Ещё раз. Ещё. Голос дрогнул. Колонка ответила: «Хорошо. Включаю свет». Имя не пригodiлось. Только функция.

Аня подошла. «Тётя Вера, вы как? Страшно?» Голос звонкий, искренний. Глупый. Вера поправила платок. Улыбнулась. Мягко. «Нормально, солнышко. Время лечит». Ложь. Но

Анька кивнула. Поверила. Они все верили. Потому что она давала им то, что они хотели: иллюзию контроля. Спокойствия. Она была удобной, как старое кресло. Но кресло тоже может скрипнуть. И упасть. Она знала, как держать нити. Не тянуть. Просто держать.

Смотрела на Илью. Он не врал. Не умел. Его правда была током. Вера знала, каково это — когда внутреннее выворачивается наружу. Но у него был выход. У неё — нет. Её ошибки были не в коде. В людях. В тех, кого она оттолкнула ради «порядка». Ради «как надо». «Что скажут люди». Теперь ей дали 48 часов. Не на уход. На отмену. Шаг назад. В тот вечер. В ту дверь. В звонок, который она не взяла. Она думала, время всё исправит. Время только стерло. А контора предложила сдвинуть стрелки. Цена казалась справедливой. Ты хочешь вернуться в прошлое? Забудь, кто ты в настоящем. Все честно.

Чётки щёлкнули. Сорок девятый раз. Она встала. Подошла к окну. Серый свет. Серые люди внизу. Будто мир выцвел, потерял насыщенность. Она приложила ладонь к стеклу. Холодно. «Вера Павловна», — прошептала. Звук не вернулся. Стекло не запотело. Только отражение. Женщина в платке. Без имени и прошлого. Только настоящее. Бесконечное и бесполезное. Пока.

Она повернулась к столу. Денис всё ещё тыкал пальцем в телефон. Аня чертила по конденсату на кружке. Илья смотрел в стену, шевеля губами без звука. Они ждали плана. Лидера или чуда. Она дала им тишину. Потом — мягкий голос.

— Не паникуйте. Паника сжигает кислород. А его и так мало.

Аня подняла голову.

— Вы знаете, что делать?

— Я знаю, чего не делать, — Вера Павловна улыбнулась. Тёпло. По-матерински. — Не бегать и не кричать. Не верить глазам. Глаза врут. Время — нет.

Илья скосил взгляд.

— Вы хотите сказать, что выход в правилах?

— Выход в том, кто их пишет, — ответила она. И добавила шёпотом, для себя: — Или в том, кто их переписывает.

Денис фыркнул.

— Философия. А факты.

— Факт один, — Вера Павловна медленно перебирала чётки. — Мы здесь не случайно. И не навечно. Но пока мы внутри — мы инструменты. А инструменты не спорят. Они работают. Режут.

Аня нахмурилась.

— Режут кого?

— Тех, кто думает, что время можно купить, — Вера Павловна посмотрела на неё. В глазах не было жалости. Только расчёт. — Или продать.

Повисла пауза. Холодильник гудел. Где-то капала вода. Вера знала, что сказала достаточно. Слишком много для «тихой тётки». Но недостаточно, чтобы спалить игру. Она отступила. Села. Сложила руки на коленях. Поза ученицы, послушной дочери. Поза той, кто ждёт. Когда они сами придут к ней. С вопросами, болью, доверием. Она научит. Пока помнят и могут.

В кармане завибрировал телефон. Новое сообщение. «Привези воду». Она не ответила. Просто положила телефон экраном вниз. И посмотрела на часы. 16:51. Или 04:51. Не важно. Важно, что стрелки двигались. Медленно. Верно. Она прикрыла глаза. Вспомнила запах дождя. Летний. Чуть пыльный. Когда всё ещё можно было изменить. Имя ещё принадлежало ей. А мать была здорова. И еще дверь не закрылась. Так навсегда.

Вера Павловна открыла глаза.

— Ладно, — согласилась она вслух, понизив голос. Всего на полтона. — Давайте думать.

Вместе.

Они закинули. Обрадовались. Поверили.

Она улыбнулась. Мягко. Покровительственно.

Чётки щёлкнули. Пятидесятый раз. Ошибка принята. Зачет.

Глава 7. ЖЕЛАНИЯ С КРИВЫМИ УГЛАМИ

Аня сидела на полу, прислонившись спиной к ножке стула. Перебирала вчерашний день, как старые выцветшие фотографии. Контора. Очередь. Ботаник с рюкзаком, вцепившийся в папку, как в спасательный круг. Три клерка с лицами уставших кассиров и зубами, острыми, как у крыс. Она помнила, как вышла. Села в «Хонду». Как вставила ключ. А дальше — белое пятно. Кто-то взял ластик и стёр целый кусок жизни. Чисто. Без крошек.

«Стресс, — подумала она в сотый раз. — Бывает. В прошлом году на таком стрессе купила три пачки печенья, энергетик и ни одного ужина. Забыла, зачем пришла».

Но это было не забытое печенье. Такая тёплая, живая дыра. Место, где когда-то лежало самое светлое. Теперь там сквозило. И в этот сквозняк страшно было заглядывать.

Она подошла к окну. Свет падал под неестественным углом. Не утренний, не вечерний. Серый, плоский, как дешёвый фильтр в соцсетях. Который делает любые фото одинаково унылыми. Мир выжали через сито.

— Аня.

В дверях стоял Илья. Очки съехали на кончик носа. Рюкзак всё ещё висел на одном плече. Чудик так и не снял его. Боялся, что вещи исчезнут, если перестанут касаться кожи. Он не стал ждать приглашения. Остановился в двух шагах. Уже ближе, чем вчера. Аня заметила. Всё здесь сбивалось с привычных настроек. Даже воздух стал другим. Как в комнате, где давно не открывали форточку.

— Не могу врать, — пожаловался он. Голос дрогнул, но не от страха. От раздражения на самого себя. — Это ужасно. Говоришь правду, а люди... не хотят её слышать.

— Кому уже успел выдать порцию? — Аня попыталась ухмыльнуться. Вышло криво.

— Вере Павловне. Сказал, что её спокойствие — это маска. Она что-то скрывает. Очень сильно.

Аня моргнула.

— И как реакция?

— Улыбнулась, — Илья поёжился. — Сказала: «Спасибо, милый. Приятно, когда видят правду». Но глаза стали злые. Колючие. Как стекло.

— Ты её боишься?

— Это проблема.

— У тебя остались другие чувства? Или только голое «да/нет»?

— Злость. Стыд. Особенно стыд, когда вижу, как мои слова бьют других по лицу. Но страха — нет. Его вырезали вместе с фильтром для лжи.

Аня глянула на него. Станный парень. Неловкий. Но в его взгляде не было той липкой вежливости, от которой у неё обычно чесались кулаки. Только чистая, режущая прямота. Вот же бедолага.

— Знаешь, — она усмехнулась, — я думала, что ботаники скучные.

— А теперь?

— Теперь думаю, что ботаники скучные, но ты — сбой в системе.

Илья покраснел. Уши залились краской, как аварийный сигнал.

— Это был комплимент?

— Разберись сам. Ты же умный. Или уже нет?

Дверь кухни распахнулась. Влетел Денис.

Именно влетел. Дорогой костюм помят, волосы торчат, под глазами — синяки, будто он ночевал на привокзальной лавке. Дышал тяжело, рывками.

— Вы не поверите, — выплюнул он. — Я только что чуть не попал под грузовик.

— Что? — Анька выпрямилась.

— Вышел на улицу. Понять, где мы. Прошёл квартал. Тишина. Ни души. А потом — машина. Прямо на меня. Сигналит. А я стою на середине дороги и смотрю. Как абсолютный идиот.

— Ты специально? — переспросил Илья.

— Нет! Переходил! — Денис провёл ладонью по лицу. — Он ехал быстро. Я должен был отскочить. Испугаться. А я стоял. И смотрел. Как в кино.

— Потому что тебе не было страшно, — тихо подсказал Илья.

— Да откуда ты...

— Это твоя цена, — Илья снял очки, протёр подолом свитера. — Ты отдал страх. Клерк забрал его. Теперь ты не боишься ничего. Даже смерти. Особенно смерти.

Денис побелел. Уронил голову на ладони. Пальцы впились в волосы.

— Я не хотел... Я просто хотел спокойно работать. Чтобы не трястись, что бизнес рухнет. Что отец перекроет потоки. Все скажут: «Посмотрите, он хвастливый дурак». Не бояться, что кинут. А теперь... я не боюсь вообще ничего. Но это не спокойствие. Пустота. Будто вынули предохранитель, и ток пошёл напрямую.

— Знакомое чувство, — кивнула Аня.

Илья мотнул головой. Да. Ему тоже знакомо. Денис поднял голову. Посмотрел на них.

— Вы тоже?

— Я не помню, когда была счастлива в последний раз. Вообще. Самый счастливый день — исчез. Как будто его вырезали ножницами. Осталась только рамка.

Они смотрели друг на друга. Потерянные. Обманутые. В одном и том же ломбарде.

— И что нам делать? — севшим голосом спросил Денис.

— Пока не знаю, — ответил Илья. — Но сидеть и жалеть себя — не вариант.

— Это ты сейчас кому? — Анька фыркнула.

— Да всем.

— Дипломат хренов.

— Я не могу быть дипломатом, — Илья вздохнул. — Я умею говорить правду. Иногда она неприятная. Но это всё, что у меня есть.

Анька хотела огрызнуться, но передумала. Потому что он был прав. Правда — единственная валюта, которая тут ещё ходила.

В коридоре послышались шаги. Медленные. Тяжёлые. Будто человек нёс на себе бетонную плиту.

Степан.

Прошёл к раковине. Налил воду. Выпил залпом. Аня заметила: его пальцы обмотаны бинтом. Не аптечным — оторванным от простыни, грязноватым.

- Порезался? — спросила она.
- Разбил кружку, — ответил он глухо. — Осколки.
- И не почувствовал?
- Нет.

Степан поднял руку. Бинт пропитался кровью — тёмной, почти чёрной. Он смотрел равнодушно. Как на деталь чужого механизма.

- Это твоя цена? — поинтересовался Илья. — Боль?
- Я отдал её не сразу, — Степан опустил руку. — Не в конторе. Раньше. Они просто... забрали остатки.
- Что ты отдал раньше? — Аня шагнула ближе. И вся превратилась в слух.

Он молчал. Так долго, что холодильник перестал гудеть.

- Всё, — сказал наконец. — Семью. Дом. Имя. Себя. Я отдал всё, чтобы выжить. А потом пришёл сюда. Думал, может, вернут время. Чтобы исправить.
- Исправить что?

Степан посмотрел на неё. В глазах залегла такая усталость, что Ане захотелось отвернуться.

- Всё. Но время нельзя вернуть. Только отнять.

Он вышел. Оставил после себя запах железа и старой пыли.

- Жуткий тип, — пробормотал Денис.
 - Он из силовых структур, — объяснил Илья. — Нашивки. С ним что-то произошло.
- Там.

- Ты откуда знаешь?
- Я много чего знаю. И вижу. Раньше молчал.
- А теперь?
- Теперь не могу. Он вернулся, но как бы, не весь. Может, он из выживальщиков?
- А он и не вернулся, — Анька обхватила голову руками. Разноцветные пряди выбились между пальцами, как флажки на поле боя. — Он все еще там, где должен был выжить. Здесь только тело. А теперь он еще и боль отдал.

Появилась Елена. Аня не услышала шагов — только почувствовала, как воздух сгустился. Подняла голову.

Женщина выглядела так, будто её выжали через мясорубку. Под глазами — чёрные провалы, на коже — серый налёт. Держалась за косяк, потому что ноги отказывались держать вес. В другой руке — папка с бумагами, которую она прижимала к груди, как ребёнка.

- Вы тоже не можете спать? — спросила Елена. Голос сыпался песком.
- Я сплю, — удивилась Анька. — Как убитая.
- А я нет, — Елена осела на стул. Папка соскользнула на пол, рассыпав листы с графиками и формулами. — Я забыла, как это. Закрываю глаза, а мысли жужжат. Как мухи в банке. Я подписала контракт... когда? Вчера? Позавчера? Часы идут, а солнце не двигается. Такое чувство, что прошла вечность.
- Ты видишь странные вещи? — спросила Аня, вспоминая свои провалы.
- Да, — Елена кивнула. Пальцы дрожали. — По углам. Тени, которых нет. Лица в штукатурке. И... зубы.
- Зубы?

— Мелкие. Острые. Растут из стен. Я слышу, как они скрежещут. Когда темно. Особенно. Денис отодвинулся от стены.

— Не надо про зубы, — пробормотал он.

— Ты не боишься. И не врешь, — напомнил Илья.

— Я не боюсь. Мне противно. Это разные вещи.

Елена посмотрела на свои руки.

— Я сойду с ума, — проговорила она спокойно. Без паники. — Скоро. Голова не выдержит. Начну путать реальность с видениями. А потом перестану их различать.

— Если держаться вместе, сможем выгрести, — Анька попыталась сжать кулаки. Показать, как ей прекрасно живётся. Голос вышел слишком звонким. Фальшивым.

— Ты не сможешь меня остановить, — Елена покачала головой. — Никто не сможет. Бессонница не лечится добрыми словами.

Она замолчала. Аня смотрела на неё, натягивая улыбку. А внутри ныло: «Сколько ещё мы продержимся? Шесть человек. Странный контракт. Нечистая сила в пиджаках. И что делать с пустотой, которую оставили внутри?»

В дверях кухни появилась Вера Павловна. Двигалась бесшумно. Но сегодня в её мягкости было нечто новое. Колючее. Готовое схватить.

— Вы все здесь, — заворковала она. — Милые. Как же хорошо.

— Что хорошо? — Денис дёрнулся. Из рук выпала связка ключей. Потёртый брелок с одноглазым мишкой глухо стукнулся об пол.

— То, что мы вместе. Так легче выживать.

— Вы что-то знаете? — подскочил Илья.

Вера Павловна рассеянно смотрела на него. Губы сжимались и разжимались. Будто она пробовала воздух на вкус. Пила энергию тех, кто рядом.

— Я знаю, что вы потеряли, — сказала она ровно. — Аня — память о счастье. Илья — способность врать. Денис — страх. Степан — боль. Елена — сон.

— А вы? — спросила Аня. — Что вы потеряли?

Вера Павловна улыбнулась. Пустой улыбкой. Точно внутри выключили свет.

— Имя, — призналась она. — Меня зовут Вера Павловна. Но вы уже забываете, это. И через час забудете снова. Через день моё имя сотрётся из вашей памяти навсегда.

— Так не бывает, — раздражённо протянул Денис. И неожиданно стукнул кулаком по столу. Маленькая кофейная ложечка с грустным звоном упала рядом с мишкой.

— Бывает, — Вера покачала головой. — Я исчезаю. По кусочкам. Сначала имя. Потом лицо. Затем память обо мне. А следом и я сама.

— И вас это не пугает? — Илья водрузил очки на переносицу. Превратился в ботаника. Только с очень уж острым, заинтересованным взглядом.

— Меня пугает другое, — Вера посмотрела на него. — Что я не успею исправить ошибки. У меня было время. Целая жизнь. Но я потратила её на маски. А теперь, когда маски сняты... под ними ничего нет. Ни-че-го.

Она медленно развернулась. Вышла. Оставила после себя тишину и чувство, что она права. Им всем было страшно не потерять что-то. А понять, что терять-то было особенно нечего.

Анька выскочила на лестничную площадку. Нужно было подышать. Даже если воздух здесь был таким же серым, как всё остальное.

Посмотрела вниз. И увидела его. Андрей. Маленький. Круглый. Лысеющий. Стоял у подъезда и смотрел вверх. Прямо на неё.

Он не делал ничего угрожающего. Просто стоял. Но Аня почувствовала, как по спине побежали мурашки. Потому что он улыбался. Слишком широко. Между губ мелькали мелкие, острые зубки. И влажный язычок.

Он медленно, очень медленно, поднёс руку ко рту. И облизнул пальцы. Как будто смотрел на еду.

Аня отшатнулась от перил. Влетела в квартиру. Захлопнула дверь. Защёлкнула все замки, которые нашла.

— Что там? — крикнул Илья, выглядывая из-за угла.

— Тот, с зубами, — заорала Анька. Сама не ожидала от себя такой прыти. — Он стоит внизу и смотрит.

— Он нас ищет?

— Не знаю. Но мне кажется, ему не нужно искать. Он и так знает, где мы.

Илья подошёл к окну. Посмотрел вниз.

— Никого нет, — удивился он.

— Был, — Аня тряхнула головой. — Он был. Там.

— Тебя трясёт.

— Я не чувствую.

— Врёшь.

— Не умею. Как и ты.

Илья подошёл ближе. Аня чувствовала его дыхание. Не такое, как этот серый воздух. Живое.

— Ты боишься? — заглянул он ей в глаза.

— Я не знаю, — честно ответила она. — Я ничего не знаю. Не помню, когда была счастлива. Не знаю, что будет завтра. Не знаю даже, сколько сейчас времени. Но когда я смотрю на тебя... мне становится спокойнее. Это глупо?

— Нет, — он покачал головой. — Это единственное, что не глупо.

Она хотела что-то сказать, но не успела.

Из кухни раздался крик Елены:

— *Он здесь! Стоит за окном!*

Анька рванула туда. Елена стояла у стекла, прижав ладони. Дрожала всем телом.

— Кто? — спросила Аня, вглядываясь в темноту.

— Тот, с зубами, — прошептала Елена. — Он улыбался. И прижал палец к губам. Тссс.

Но за окном никого не было. Только серое небо. Пустая улица. Тишина. И Анька поняла, что они не одни. Эти клерки не просто оформляли документы. Они собирали урожай. А она, Илья, Денис, Вера, Степан и Елена — они были не клиентами.

Они были едой.

— Что теперь? — спросил Денис. От самонадеянного мажора почти ничего не осталось. Теперь это был оголённый нерв, реагирующий на каждый шорох.

— Теперь будем думать, — предложил Илья. — Искать выход.

— Выход из мира, где время сломалось? — усмехнулась Аня. Она выпрямила спину. Чтобы никто не догадался, как внутри все дрожит.

Денис закинул голову. Рассмеялся. Выбросил вверх большой палец. «Круто». Елена бесильно уронила голову на руки. Волосы рассыпались по столу тёмными прядями.

— Да. Выход есть всегда. Даже из ада.

— Откуда ты знаешь?

Илья посмотрел на неё. Бедный правдивый человек.

— Потому что я всё ещё здесь, — как ребёнку растолковывал он. — И ты здесь. Значит, не всё потеряно.

Аня посмотрела на него. На нелепые очки. На вечно съезжающий рюкзак. На покрасневшие уши. «Станный, — подумала она. — Неудобный. Неловкий. Но почему-то с ним не так душно».

— Ладно, ботаник, — нехотя сказала она. — Ищи свой выход. А я пока посторожу.

— От кого?

— От улыбчивых клерков с острыми зубами.

Илья кивнул и ушёл в комнату. Открыл ноутбук. Зарылся в бумаги. Аня осталась у окна.

Снаружи всё так же висела серая муть. Часы показывали 17:23. Никто не знал, утро это или вечер. Елена сначала плакала, потом затихла. Денис с остервенением качался на стуле. Того и гляди грохнется. И башку себе разобьет. Ну да. Ну да.

Но всё это было не важно. Важно, кто рядом. А рядом был ботаник в очках, который не умел врать и искал выход из ада. Почему-то это придавало сил. Даже в мире, где время жрало людей. Черт бы его подрал. Это долбаное время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.